ВСЕ,

или

НИЧЕГО,

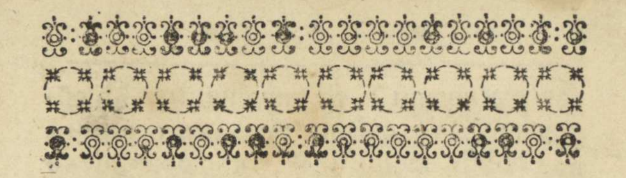
Пóвѣсть Нравоучительная.

перевелъ

съ французскаго языка

Александръ Салтыковъ.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ весьма прїятно быть вдовою, Луцилла не забывала думать о новомъ обязательствѣ. Два любовника спорили объ ея выборѣ. Одинъ скромной и добросердечной, любилъ въ ней только ею. Другой, хитрой и хвастливой, больше влюбленъ былъ въ самого себя. Первой имѣлъ повѣренность Луциллину, другой любовь. Иной скажетъ: Луцилла была неправосудна. Никакъ: добросердечные люди забываютъ себя: имъ кажется довольно того, когда они истинно любятъ, чтобы понравиться, и увѣрить въ любви. Но мало такихъ, коимъ бы нималой не было нужды въ

поверьхности и въ украшенїи. Въ обществѣ человѣкъ безъ хитрости, подобенъ женщинѣ, которая безъ румянъ въ многолюдномъ собранїи.

Эрастъ съ искренностїю своею сказалъ Луциллѣ: *Я тебя люблю*; и съ тѣхъ поръ любовь его такъ была не прерывна, какъ дыханїе, ровна ему съ жизнїю. Флорикуртъ напротивъ того искалъ Луциллиной любви тою неважною любовною учтивостїю, которая кажется ничего не требуетъ. Между услугами, которыя онъ оказывалъ Луциллѣ, выбиралъ онъ не тѣ, кои страстнѣе, но такїя, кои обманчивѣе. Ничего притворнаго, и ничего важнаго. За то почитали его достойнѣйшимъ любви, что показывалъ онъ себя безкорыстнымъ.

Объ Эрастѣ тужили: не находили человѣка честнѣе его: но сожалѣли и о томъ, что не льзя его любить. Флорикурта боялись: почитали

читали человѣкомъ опаснымъ, которой можетъ здѣлать женщину нещастливою. Но какъ было отъ него отойти? Со всѣмъ тѣмъ, не хотѣли обманывать Эраста. Надлежало передъ нимъ во всемъ признаться.

Я почитаю тебя, Эрастъ, сказала ему Луцилла: чувствую, что ты достойнѣе: однако сердце самовластно: мое не послушно разсужденїю. Разумѣю, что вы говорите, Государыня моя, отвѣчалъ въ слезахъ Эрастъ, но не вышедъ изъ себя. Разсужденїе ваше беретъ мою сторону, а сердце другую.

Луцилла.

Винюсь въ томъ, хотя не безъ сожалѣнїя: я бы достойна была нареканїя, естьлибъ была вольна; но склонность не въ повелѣнїи.

Эрастъ.

Въ доброй часъ, сударыня: я все буду васъ любить: мнѣ больше отъ того будетъ славы.

Луцилла.

Того-то я точно и не хочу.

Эрастъ.

Ни я; но все то напрасно.

Луцилла.

Что же съ тобою будетъ?

Эрастъ.

Что угодно любви и натурѣ.

Луцилла.

Ты меня мучишь, Эрастъ, оставляя такъ самого себя.

Эрастъ.

Что мнѣ иное дѣлать, когда не могу себя возвратить?

Луцилла.

О сколь я нещастлива, что тебя узнала!

Эрастъ.

Такъ! совѣтую вамъ сожалѣть о себѣ: это ужасное нещастіе, быть любимой.

Лу-

Луцилла.

Конечно это нещастїе, знать себя винною въ нещастїи такого человѣка, котораго почитаешь.

Эрастъ.

Вы, Государыня моя, вы нимало въ томъ не винны. Честной человѣкъ можетъ жаловаться на любовницу, которая изъ него дѣлаетъ шутку; или лучше сказать, она не достойна его жалобъ и сожалѣнїя; а вы въ чемъ виноваты? Старались ли вы меня къ себѣ привлечь обманомъ? Имѣли ли хотя учтивость, чтобъ меня удерживать? Спросясь ли я васъ полюбилъ? Что васъ принуждаетъ находить меня любезнымъ? Слѣдуйте своей склонности, а я отдамся во власть своей. Не опасайтесь, чтобы я сталъ васъ беспокоить.

Луцилла.

Вѣрю; но ты станешь самъ себя беспокоить; ты будешь меня видѣть.

Эрастъ.

Конечно: развѣ вы будете такъ жестоки, что запретите мнѣ себя видѣть.

Луцилла.

Того я не здѣлаю; но хочу тебя видѣть спокойнымъ, и имѣть лучшимъ своимъ другомъ.

Эрастъ.

Другомъ! будь такъ: званїе ничего не дѣлаетъ.

Луцилла.

Не довольно одного званїя; я дѣйствительно хочу тебя привесть въ такое состоянїе, чтобъ ты чувствовалъ такую же непорочную, нѣжную и постоянную дружбу, какую я чувствую къ тебѣ.

Эрастъ.

Пожалуйте, Государыня моя, позвольте мнѣ васъ любить, какъ

я могу, и сколько могу; а вы любите меня, какъ хотите: я вамъ не прекословлю; прошу только васъ, дать мнѣ всю волю, быть нещастливымъ.

Упрямство Эрастово печалило Луциллу; но она все, что надлежало, здѣлала. Себя вини, кто послѣ того любитъ. И такъ она безъ смятенія духа и безпрекословно, дала волю склонности своей къ Флорикурту. Все кокетство, помрачающее разумъ, употреблено было для плѣненія ея. Флорикуртъ получилъ въ томъ безъ труда успѣхъ. Онъ умѣлъ нравиться: самъ о себѣ думалъ, что любитъ: былъ бы щастливъ, ежели бы хотѣлъ. Но самолюбіе врагъ любви: для Флорикурта было мало, предпочтительно быть любиму. Хотѣлъ быть любимъ чрезвычайно, какъ можно больше, и безъ товарища. Правда, и самъ онъ не подавалъ ли въ томъ примѣра? Оставилъ для Луциллы лицемѣрную

кокетку, которую истощилъ, и явную, которая его истощила. Разорвалъ дружбу съ пятью, или съ шестью молодыми прїятелями, кои были изъ числа̀ самыхъ глупыхъ хвастуновъ. Рѣдко у кого ужиналъ, кромѣ Луциллы, гдѣ столъ былъ очень хорошей; и такъ былъ великодушенъ, что думалъ о ней въ присутствїи женщинъ, изъ коихъ ниодна не была ей равна ни въ прїятствѣ, ни въ красотѣ. Такїя поступки не заслужили ль совершеннѣйшей покорности отъ Луциллы, не говоря о его достоинствахъ, кои были еще больше рѣдки?

Со всѣмъ тѣмъ, какъ не столько былъ онъ влюбленъ, чтобъ ошибиться: то весьма остерегался, чтобъ не дать ей знать своихъ намѣренїй. До полученїя своего желанїя, ниодинъ человѣкъ не былъ учтивѣе и покорнѣе: ниодинъ не требовалъ меньше Флорикурта. Но

какъ

какъ скоро увидѣлъ сердце ея въ своей власти: то здѣлался тотчасъ его тиранномъ. Съ несноснымъ нравомъ, властолюбивъ, ревнивъ, хотѣлъ владѣть одинъ въ Луциллѣ всѣми силами душевными. Не могъ въ ней терпѣть ни одной не своей мысли, тѣмъ больше не своего свойства. Всегдашней вкусъ и продолжаемое знакомство, конечно ему не нравились; да еще и то отгадать надлежало. Дватцать разъ должно было его спросить о причинѣ его задумчивости, или невеселаго духа. На конецъ изъ учтивости признавался въ томъ, что ему не полюбилось, кто ему наскучилъ. Какъ скоро доказательно увидѣлъ, что воля его законъ: сталъ объявлять оную безъ обинякoвъ, и покорялись ей безъ сопротивленія. Но того было мало, чтобъ требовать отъ Луциллы въ жертву забавъ ненарочно случающихся: очень часто къ новымъ подавалъ случай, чтобъ заставить ими себѣ жер-

жертвовать. Станетъ хвалить какое позорище, или праздникъ, призоветъ Луциллу; пригласитъ женщинъ по своему вкусу: часъ придетъ ѣхать; всѣ убраны, лошади заложены. Онъ вдругъ перемѣнитъ намѣренїе: и Луцилла принуждена взвесть на себя головную болѣзнь. Представитъ ей знакомство прелюбезной женщины; ея найдутъ достойною похвалъ его, спознáются съ нею; онъ черезъ недѣлю признáется, что ошибся: она хвастунья, не опрятна, или вертопрашна. Надлежало съ нею распознаться.

Скоро у Луциллы осталось весьма мало знакомствъ; и тѣхъ еще, по мнѣнїю его, весьма часто видѣла. Она не догадывалась, что учтивость ея обратилась въ рабство. Кажется, что свою волю исполняешь, слѣдуя волѣ того, кого любишь. Ей казалось, будто бы Флорикуртъ упреждалъ только ея въ желанїи; во всемъ ему угождала, не зная

зная того и сама; со всѣмъ тѣмъ самолюбіе Флорикуртово не было насыщено.

Городское обхожденіе какъ ни было не важно и временно, показалось ему подозрительнымъ. Сталъ хвалить уединеніе; нѣсколько разъ повторялъ ей, что любить только въ деревнѣ другъ друга можно, удалясь отъ инаго провожденія времени и отъ шума; и что онъ не индѣ можетъ быть благополученъ, какъ въ уединенномъ мѣстѣ, кое не приступно докучателямъ и ревнивымъ. Луцилла имѣла такую деревню, какой онъ желалъ. Съ великою бы охотою согласилась проводить въ ней съ нимъ лучшее время въ году: но можноль ей было здѣлать то съ пристойностію? Онъ на то отвѣчалъ: для того, чтобъ не быть однимъ, можно съ собою взять такого пріятеля, какъ Эрастъ, и такую пріятельницу, какъ Артениса. Ежелижъ, сказалъ, не избѣ-

жимъ и чрезъ то нареканія: то скоро заключимъ свадьбу, и тѣмъ заставимъ всѣхъ молчать. И такъ поѣхали. Эрастъ былъ приглашенъ отъ хитраго самолюбія Флорикуртова. Онъ зналъ, что Эрастъ его соперникъ, и соперникъ нещастной. Онъ былъ для него прелестной свидѣтель его побѣды. Для того-то единственно подговорилъ его съ собою ѣхать. Учтивости, кои онъ ему дѣлалъ, показывали жалость и преимущество, которое иногда чуть не выводило Эраста изъ терпѣнія: но горячая и нѣжная дружба съ Луциллою, награждала его за такія порабощенія; и страхъ прогнѣвать ея, заставлялъ его оныя не видать. Однако будучи увѣренъ, что для того они ѣдутъ въ деревню, чтобъ безъ принужденія любиться: какъ могъ онъ согласиться ѣхать съ ними? Луцилла такъ же, какъ мы разсуждала. Онабъ хотѣла его отъ того отвесть; но уговоръ былъ зделанъ: ужè поздно было

ло разорвать оной. Къ томужъ Артениса была молода и хороша. Уединенїе, случай, вольность, примѣръ, ревность и досада, могли заставить Эраста обратить на нея тѣ желанїя, коихъ Луцилла не могла удовольствовать. Луцилла довольно мало о себѣ думала, чтобъ представить себѣ, будто можно быть ей невѣрнымъ; и довольно была правосудна, чтобъ того желать: но она не довольно знала сердце и свойство Эрастово.

Артениса была одна изъ тѣхъ женщинъ, для коихъ любовь есть полюбовной договоръ; которымъ постоянная любовь тотчасъ наскучитъ, и кои довольно надѣются на добросердечїе мущинъ, чтобы ввѣрить себя безъ остатка, и отстать безъ дальнихъ оговорокъ. Сказали ей: мы ѣдемъ на нѣсколько времени въ деревню; Эрастъ ѣдетъ съ нами; хочешь ли и ты? Она усмѣхнувшись, отвѣчала: съ охотою;

охотою; это будетъ смѣшно! и уговоръ былъ здѣланъ. Эрастово мученїе тѣмъ было удвоено. Артениса слыхала отъ Луциллы, какъ она хваливала своего друга, называя его человѣкомъ разумнымъ, честнымъ и скрытнымъ. Это очень хорошо, думала она въ себѣ. Такого человѣка можно принять и отправить безъ опасенїя и безъ шуму. Съ сими людьми любо дѣло имѣть. Хоть удастся, хоть нѣтъ, все равно. Другаго Эраста истинно не скоро найдешь. По симъ разсужденїямъ можно заключить, что за Эрастомъ начали волочиться.

Флорикуртъ съ Луциллою былъ неразлучно, къ несносному огорченїю нещастнаго Эраста. Какъ Луцилла ни притворялась; взгляды ея, голосъ, молчанїе, все ея измѣняло. Эрастъ былъ на каторгѣ; но скрывалъ свою горесть. Артениса, какъ искусная женщина, знала время, когда удалиться, и при-

пригласила Эраста итти съ собою. Какъ они щастливы, сказала она ему, гуляя въ одинъ день съ нимъ! любя другъ друга, они взаимно себя довольствуютъ: для себя только живутъ. О! какъ хорошо, любить. Вы что о томъ думаете? Конечно, сударыня, отвѣчалъ Эрастъ, потупясь, очень хорошо быть двумъ.

Артениса.

Истинно всегда всѣ живутъ по двойкѣ. Я не знаю, чтобы ктонибудь одинъ жилъ въ свѣтѣ.

Эрастъ.

Я говорю, Государыня моя, о двухъ сердцахъ равночувствительныхъ, равно влюбленныхъ.

Артениса.

Равно! это очень строго! мнѣ кажется, не должно быть такого труднаго нраву въ выборѣ. Для чего не быть довольну, когда почти равно? Ежели у меня духъ чувстви-

ствительнѣе, нежели у того, кто меня любитъ: за что мнѣ его наказывать? Не льзя больше дать, какъ только то, что имѣешь. Слѣдовательно тотъ не достоинъ нареканія, кто въ общество не больше приноситъ чувствительности, какъ сколько получилъ отъ природы. Я удивляюсь, для чего холоднѣйшія сердца̀ всегда прихотливѣе. На примѣръ: вы конечно въ состояніи требовать, чтобъ къ вамъ чувствовали страсть.

Эрастъ.

Я, сударыня! я ничего не требую.

Артениса.

Вы ошибаетесь; я не то говорю. Вы истинно имѣете, чѣмъ привлечь къ себѣ женщину: я бы не удивилась, когда бы кто къ вамъ почувствовалъ склонность.

Эрастъ.

Это дѣло возможное, Государыня моя. О возможности дурачества,

ства, каково бы то ни было, я нимало не сомнѣваюсь. Но ежели бы какая женщина меня полюбила: то конечно была бы она жалка.

Артениса.

Не мнѣ ли вы дѣлаете милость симъ извѣстïемъ?

Эрастъ.

Вамъ, сударыня моя! Я льщу себя, что вы меня не почитаете ни такимъ куракомъ, ни такимъ чваномъ, чтобы я въ состоянïи былъ подавать вамъ такïя извѣстïя.

Артениса.

Очень хорошо: вы говорите вообще, исключая меня, изъ одной учтивости.

Эрастъ.

И исключенïе здѣсь напрасно, сударыня; до васъ въ семъ случаѣ нимало не касается

Ар-

Артениса.

Позвольте мнѣ сказать себѣ, Государь мой: я вамъ говорю, что вы имѣете въ себѣ, чѣмъ нравиться; что отъ васъ очень можно быть безъ ума, а вы мнѣ отвѣчаете, что та будетъ жалка, которая васъ полюбитъ. Ничто, кажется мнѣ, не можетъ быть больше принято на собственной счетъ. Что? не смѣшены ли вы теперь?

Эрастъ.

Признаюсь, что ваша шутка привела меня въ замѣшательство. Я не умѣю на то отвѣчать: не великодушно нападать на меня съ такимъ оружїемъ, какого я не имѣю.

Артениса.

Ну, ежелибы я говорила, Эрастъ, не въ шутку; ежели бы ничто въ свѣтѣ не было отъ лучшаго се́рдца?

Эрастъ.

Я уйду отъ васъ, Государыня моя: состоянїе, въ которомъ я нахожусь,

хожусь, не дозволяетъ мнѣ больше служить вамъ шуткою. А! онъ и въ правду тронутъ, сказала Артениса сама себѣ, слѣдуя за нимъ глазами. Шуточной мой голосъ, насмѣшной видъ, привели его въ смущенïе. Этотъ человѣкъ имѣетъ особливыя свойства. Съ нимъ надобно говорить по его. До завтра. Погулять еще въ сей рощицѣ; послѣ того побѣда моя будетъ совершенна.

Гулянïе Эрастово съ Артенисою показалось Луциллѣ долго. Онъ пришелъ, задумавшись, а она съ видомъ торжествующимъ. Что? спросила у ней тихонько Луцилла, что ты думаешь объ Эрастѣ? Я имъ очень довольна: онъ мнѣ не наскучилъ: это ужъ много. Не мало имѣетъ въ себѣ хорошаго: изъ него можно здѣлать любезнаго человѣка: рѣчи нахожу я его нѣсколько романическими: онъ хочетъ чувствительности. Это происхо-

исходитъ отъ незнанія свѣта. Провинціальная привычка, отъ которой легко его исправить. *Онъ хочетъ чувствительности*, сказала Луцилла сама въ себѣ! такъ ужѐ они на договорахъ! это много для перваго свиданія. Мнѣ кажется, Эрастъ безтрудно утѣшается. Но въ чемъ же онъ виноватъ? Ежели онъ щастливъ; можноль мнѣ то худо принять? Онъ виноватъ только въ томъ, для чего увѣрялъ меня, что онъ такъ жалокъ. Ему можно бы поберечь мою совѣсть, знавъ, что я дѣлаю себѣ за него чувствительнѣйшія укоренія. Это обыкновенно любовникамъ, увеличивать всегда свою тоску. Радуюсь, что онъ теперь утѣшенъ, и я получила помощь.

Въ семъ мнѣніи Луцилла вольнѣе стала обращаться съ Флорикуртомъ. Эрастъ, отъ коего ничто не могло быть скрыто, сталъ печальнѣе обыкновеннаго. Луцилла и Ар-

и Артениса приписывали его печалѣ одной причинѣ. Раждающаяся страсть всегда производитъ сїе дѣйствїе. На завтра Артениса не упустила оставить Луциллу съ Флорикуртомъ, взявъ съ собою Эраста.

Вы сердиты, сказала она ему! помиримся. Я вижу, что вы не изъ тѣхъ людей, съ кѣмъ должно производить любовь шуткою: вы почитаете обязательство важнѣйшею вещїю въ свѣтѣ; я васъ за то больше почитаю.

Эрастъ.

Я! никакъ, нѣтъ, Государыня моя! Я со всѣмъ такого мнѣнїя, что важная любовь, есть крайнее сумозбродство; и что она тогда только веселитъ, когда подъ видомъ бываетъ игры.

Артениса.

Согласитесь же сами съ собою: вчерась въ вечеру хотѣли вы равной

ной чувствительности и взаимной склонности.

Эрастъ.

Я хотѣлъ вещи невозможной, или по крайней мѣрѣ, са́мой рѣдкой; и думаю, что безъ сего толь труднаго согласїя, коего не должно надѣяться, разумнѣе и надежнѣе, здѣлать изъ любви игру, не прилагая ей цѣны̀ и важности мечтательной.

Артениса.

Истинно, любезный Эрастъ, слова̀ твои золотыя. Для чего мучиться напрасно, любя больше возможности? Не лучше ли другъ другу полюбясь, уговориться? по томъ, когда другъ другу прискучишь, разстаться? Все ужъ было удовольствїе! Это время хорошо употреблено! Дай только богъ, чтобъ можно было проводить такъ всю жизнь!

Вотъ

Вотъ, думалъ въ себѣ Эрастъ, нравъ весьма зговорчивой! Я вижу, продолжала Артениса, то, что называютъ важныя страсти. Нѣтъ ничего ихъ прискорбнѣе: нѣтъ ничего скучнѣе. безпокойство и ревнивость окружаютъ двухъ нещастныхъ. Думаютъ, что другъ съ другомъ не имѣютъ ни въ чемъ недостатка, и смертельную терпятъ скуку.

Эрастъ.

Ахъ, Государыня моя! что вы говорите? въ чемъ имъ недостатокъ, когда они другъ друга любятъ? Такое согласіе есть пріятство жизни, сладость душевная, совершенство благополучія.

Артениса.

Истинно, Государь мой, вы съ ума сошли отъ всегдашнихъ своихъ противорѣчій: чегожъ вы требуете, скажите мнѣ пожалуйте?

Эрастъ.

Чего не льзя въ свѣтѣ найти, Государыня моя, и чего можетъ быть никогда не увидятъ.

Артениса.

Изрядное ожиданїе! а между тѣмъ сердце ваше будетъ не упражнено?

Эрастъ.

Ахъ! дай боже, чтобъ оно могло быть не упражнено.

Артениса.

Стало оно занято, Эрастъ?

Эрастъ.

Конечно такъ, сударыня; вы бы сожалѣли о состоянїи его, ежели бы могли все о немъ знать.

По сихъ словахъ онъ удалился, поднявъ глаза къ небу, и испустя тяжкой вздохъ. Вотъ что называютъ, сказала себѣ Артениса, человѣкъ скрытной! Этотъ ужѐ такъ скрытенъ, что онъ отъ того скотина. По щастїю я на все не опустилась. Можетъ быть должно бы

мнѣ

мнѣ было говорить съ нимъ яснѣе: надобно помогать боязливымъ людямъ. Жаль, что онъ скоро ушелъ, не давъ времени спросить, что его удерживаетъ, и что печалитъ? Увидимъ: на конецъ ему надобно будетъ изъясниться; ужѐ я на то пошла: въ семъ состоитъ моя честь.

Флорикуртъ хотѣлъ за ужиномъ пошутить на счетъ Эрастовъ. Что? сказалъ Артенисѣ, какъ далеко вы спознались? Для друзей ничего нѣтъ тайнаго: мы вамъ подаемъ примѣръ. Какъ бы не такъ, отвѣтствовала Артениса съ гнѣвомъ? Гдѣ намъ умѣть пользоваться чужими примѣрами? Мы еще сами не знаемъ, чего желаемъ. Когда рѣчь о любви важной, Эрастъ принимаетъ ея въ шутку; ежели же согласишся съ нимъ шутишь: онъ обратится къ важному. Вамъ не трудно, Государыня моя, сказалъ Эрастъ, ввесть меня въ смѣхъ: я на то отдаю себя всѣмъ, сколько кому угодно.

Артениса.

Нѣтъ, Государь мой! Не то мое намѣренїе; но мы теперь съ друзьями; изъяснимся откровенно. Намъ недосугъ другъ друга примѣчать и отгадывать. Я вамъ нравлюсь, вы мнѣ то дали разумѣть: не скрываю, что и вы мнѣ не противны. Мы здѣсь не для того, чтобы быть безполезными смотрителями; и благопристойность требуетъ, чтобъ мы были упражнены: окончимъ, станемъ другъ друга разумѣть. Какъ вамъ хочется меня любить? Какъ вамъ хочется, чтобъ я васъ любила?

Я! Государыня моя, вскричалъ Эрастъ, я не хочу чтобъ вы меня любили.

Артениса.

Какъ, Государь мой? Такъ вы меня обманывали?

Эрастъ.

Никакъ нѣтъ, Государыня моя, я всѣмъ свидѣтельствуюсь, что не

не сказалъ вамъ ниодного слова, которое бы похожо было на любовь.

О! какое безстыдїе, закричала Артениса, вскоча изъ-за-стола! Этого я никогда не ожидала. Флорикуртъ хотѣлъ ею удержать. Нѣтъ, Государь мой, сказала она ему: мнѣ не сносенъ видъ такого человѣка, которой осмѣливается запираться въ непрїятныхъ и глупыхъ любовныхъ объявленїяхъ, которыми онъ мнѣ надоѣлъ, и которыя терпѣливно и великодушно я выслушала, побужденна будучи похвалами, сказанными мнѣ, не знаю для чего, о семъ сквернавцѣ.

Артениса уѣхала какъ бѣшеная, сказала Луцилла Эрасту, увидя его на другой день: что такое произошло между вами?

Эрастъ.

Ничего не значащїя слова, Государыня моя, кои съ моей стороны тѣмъ кончились, что нѣтъ ничего опаснѣе важной любви, и ничего достойнѣе пренебреженїя, какъ

любовь вѣтреная. Артениса видѣла меня вздыхающаго, приняла мои вздохи на свой счетъ; я вывелъ ея изъ обману. Вотъ все тутъ.

Луцилла.

Что ты вывелъ изъ обману, это хорошо: ты поступилъ какъ честной человѣкъ: но надлежало бы то здѣлать съ большею осторожностїю.

Эрастъ.

Какъ! сударыня, она осмѣливается вамъ сказать, что у насъ дѣло дошло до любви, а вы требуете, что бы я не вышелъ изъ умѣренности? Чтобъ вы заключили изъ моего признанїя, или молчанїя?

Луцилла

То, что ты правъ, и что хорошее дѣлаешь дѣло. Артениса еще молода и хороша; хотя бы согласїе ваше не иное было что, какъ веселое провожденїе времени.....

Эрастъ.

Я нималой не имѣю охоты веселиться; и прошу меня не наказывать

зывать совѣтами, которыми я никогда не буду пользоваться.

Луцилла.

Однакожъ вотъ ты остался съ нами одинъ; не видишъ ли ты самъ, что очень странную будешь играть ролю?

Эрастъ.

Я стáну, сударыня, играть ролю друга: мнѣ кажется, нѣтъ ничего честнѣе.

Луцилла.

Какъ ты, Эрастъ, можешь снесть свое состоянïе?

Эрастъ.

Это не ваше дѣло, Государыня моя: не старайтесь обо мнѣ.

Луцилла.

Какъ мнѣ о тебѣ не стараться? что ни говори, я знаю твое состоянïе: оно ужасно.

Эрастъ.

Это можетъ быть правда; но не въ вашей и не въ моей состо-

итъ власти, зделать оное лучшимъ: повѣрьте мнѣ, полно о томъ говорить.

Луцилла.

Полно о томъ говорить: это легко сказано; а ты терпишь, и я тому причиною.

Эрастъ.

Нѣтъ, сударыня, истинно нѣтъ: ужѐ я вамъ сто разъ сїе подтверждалъ; вамъ не льзя себя ни въ чемъ винить. Бога ради останьтесь въ покоѣ.

Луцилла.

Я была бы спокойна, ежелибы ты могъ не безпокоиться.

Эрастъ.

Ой! ужѐ вы съ лишкомъ люты. Съ какимъ упрямствомъ вы ни желайте знать, что въ моемъ сердцѣ происходитъ, уменьшитъ ли то мою тоску? а вамъ будетъ лишняя печаль. Пожалуйте забудьте, что я васъ люблю.

Лу-

Луцилла.

Какъ мнѣ сїе забыть? я оное вижу всякой часъ.

Эрастъ.

Хотите ли вы, чтобы я уѣхалъ?

Луцилла.

Это правда, состоянїе наше того требуетъ.

Эрастъ.

Очень хорошо; прогоните меня: это будетъ скорѣе здѣлано.

Луцилла.

Мнѣ тебя прогнать? тебя мой другъ! Мнѣ тебя только жаль.

Эрастъ.

Ежели такъ, то я вамъ объявляю, что не могу безъ васъ жить.

Луцилла.

Это тебѣ только такъ кажется: а отсутствїе....

Эрастъ.

Отсутствїе! изрядное лѣкарство для такой любви, какъ моя!

Луцилла.

Не сомнѣвайся въ томъ, любезной Эрастъ; есть женщины любезнѣе и правосуднѣе меня.

Эрастъ.

Пусть онѣ есть: это для меня все равно.

Луцилла.

Тебѣ то такъ въ сїю минуту кажется.

Эрастъ.

Я то въ сїю минуту, что буду во всю мою жизнь: знаю я себя, знаю и женщинъ. Не думайте, чтобы котораянибудь могла меня здѣлать щасливымъ и нещастливымъ.

Луцилла.

Я вѣрю, что ты не привяжешся тотчасъ; но въ свѣтѣ прогонишъ тоску свою.

Эрастъ.

Да чѣмъ? Ничто меня не веселитъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ я не знаю скуки: я васъ вижу, или скоро

скоро увижу. Вы говорите со мною милостиво; я увѣренъ, что вы меня не забываете: а ежелибы я былъ отдаленъ, одно мнѣнїе мое было бы мнѣ каторгою.

Луцилла,

Чтобъ оно могло тебѣ представлять досаднѣе того, что ты видишь?

Эрастъ.

Я ничего, сударыня, не вижу, и видѣть ничего не хочу: пожалуйте не удостоивайте меня своей откровенности.

Луцилла.

Истинно я удивляюсь твоему воздержанїю.

Эрастъ.

Такъ! воздержанїе во мнѣ великое достоинство! Что же? развѣ вы хотите, чтобы я васъ билъ?

Луцилла.

Нѣтъ, не билъ, а жаловался бы.

Эрастъ.

Да въ чемъ?

Луцилла.

Этого я не могу понять, какъ можно быть вмѣстѣ столько любви съ такимъ здравымъ разсужденіемъ.

Эрастъ.

Всякой, сударыня, любитъ по своему обычаю; мой не тотъ, чтобы дурачиться въ любви. Ежелибы нужна была брань для того, чтобы вамъ понравиться: я бы такъ же умѣлъ бранить, какъ другой; но сомнѣваюсь, чтобъ я тѣмъ получилъ успѣхъ.

Луцилла.

Эрастъ, я ничего не теряю. Признайся по правдѣ, что въ твоемъ сердцѣ происходитъ?

Эрастъ.

Божусь вамъ, что мое сердце столько жъ васъ почитаетъ, сколько языкъ. Ни на часъ мнѣ не при-

ходило никогда въ мысль, на васъ осердиться.

Луцилла.

Со всѣмъ тѣмъ ты сохнешь. Это я вижу. Меланхолїя тебя одолѣваетъ.

Эрастъ.

Это правда, что я не веселъ.

Луцилла.

Ты почти ничего не ѣшь.

Эрастъ.

Можно еще меньше меня ѣсть.

Луцилла.

Конечно и не спишь.

Эрастъ.

Нѣтъ, сплю не много; то-то мое лучшее время. Я вижу васъ во снѣ почти такъ, какъ желаю.

Луцилла.

Эрастъ!

Эрастъ.

Что, дорогая Луцилла?

Луцилла.

Ты мнѣ досаждаешь.

 Эра-

Эрастъ.

Нѣтъ, сударыня, это ужъ лишнее, хотѣть и сновъ меня лишить. Наяву будьте такъ, какъ вамъ угодно: позвольте по малой мѣрѣ, чтобъ вы были въ мысляхъ моихъ такъ, какъ мнѣ нравится.

Луцилла.

Не сердись, Эрастъ; станемъ говорить справедливо. Сны сіи, которыхъ я знать не хочу, питаютъ твою страсть.

Эрастъ.

Тѣмъ мнѣ лучше, сударыня, тѣмъ лучше: мнѣбъ очень было досадно, быть отъ оной вылѣчену.

Луцилла.

Для чегожъ такъ упрямо меня любить, безъ всякой надежды?

Эрастъ.

безъ надежды! нѣтъ, я не того мнѣнія. Привязанность ваша продолжилась бы, ежелибы она была надлежащая: но....

Лу-

Луцилла.

Не льсти себя, Эрастъ; я люблю истинно, и люблю на всю мою жизнь.

Эрастъ.

Я не льщу себя, Луцилла; вы сами себя порицаете. Любовь ваша такой есть припадокъ, который послѣ нѣкотораго сроку, кончится. Безчестно говорить худо о своемъ соперникѣ: для того я замолчу; но ссылаюсь на здравой вашъ умъ и на нѣжное ваше сердце.

Луцилла.

Они оба слѣпы.

Эрастъ.

Чрезъ сïе вы признаéтесь, что они не слѣпы: или вы видѣли, или видите; безъ того бы нельзя было вамъ знать, что вы видите дурно.

Луцилла.

Ну инъ такъ! я въ томъ признаюсь. Мнѣ помнится, что я находила пороки въ Флорикуртѣ: но теперь

теперь я ихъ больше въ немъ не вижу.

Эрастъ.

Еще увидите, сударыня: я въ томъ надѣюсь на него.

Луцилла.

А ежели я выду за Флорикурта, какъ дѣйствительно все къ тому клонится?

Эрастъ.

Въ семъ случаѣ ничего мнѣ не останется надѣяться, ни бояться: и ужѐ намѣренїе мое взято.

Луцилла.

Какое?

Эрастъ.

Перестать васъ любить.

Луцилла.

Какъ это?

Эрастъ.

Какъ? ничего этого легче нѣтъ. Ежели бы я въ армїю поѣхалъ, и пуля бы...

Лу-

Луцилла.

О боже!

Эрастъ.

Не трудно, кажется, вообразить кого примѣромъ въ армїи.

Луцилла.

Ахъ! жестокой другъ, что ты говоришь? Съ какимъ ты легкомыслїемъ предвѣщаешь мнѣ нещастїе, отъ коего я никогда не утѣшусь!

Луцилла смягчилась симъ вображенїемъ, какъ Флорикуртъ къ нимъ вошелъ. Эрастъ тотчасъ ихъ оставилъ однихъ, по обыкновенїю своему. Другъ нашъ, дорогая моя Луцилла, сказалъ Флорикуртъ, весьма скучной человѣкъ: что вы о немъ думаете? Онъ очень честной человѣкъ, отвѣтствовала Луцилла: я очень почитаю его добродѣтели.

Флорикуртъ.

Подлинно хорошобъ онъ здѣлалъ съ своими добродѣтелями, ежели-

бы

бы поѣхалъ куда въ иное мѣсто задумываться: въ деревнѣ надобна веселая компанія.

Луцилла.

Можетъ быть онъ имѣетъ какую причину, быть печальнымъ и уединеннымъ.

Флорикуртъ.

Такъ! я самъ то думаю, и догадываюсь. Вы краснѣете, Луцилла: я не промолвлюсь: ваше смущеніе заставляетъ меня молчать.

Луцилла.

Отъ чего мнѣ быть смущенной, Государь мой? Вы думаете, что Эрастъ меня любитъ? это самая правда. Я его жалѣю, подаю ему дружескіе совѣты: отъ этого еще не отъ чего краснѣть.

Флорикуртъ.

Признаніе сіе дѣлаетъ васъ, прекрасная Луцилла, еще достойнѣе почтенія: но согласитесь и въ томъ, что оно не много поздно.

Лу-

Луцилла.

Я не почитала, Государь мой, за должность, сказать вамъ не свою тайну: я бы отъ васъ истинно скрывала оную во всю мою жизнь, ежелибы вы ея не свѣдали нечаянно. Въ таковыхъ откровенностяхъ есть не знаю какое хвастовство и лютость, что во-все мнѣ не сродно. Надобно по крайней мѣрѣ умѣть почитать, кого здѣлаешь нещастливымъ. Какое геройство, вскричалъ Флорикуртъ съ гнѣвомъ и съ насмѣшкой! Знаетъ ли полно этотъ другъ, съ которымъ вы такъ хорошо обращаетесь, знаетъ ли онъ, сколько мы знакомы?

Луцилла.

Конечно знаетъ, Государь мой: я ему все сказала.

Флорикуртъ.

И онъ послѣ того такъ великодушенъ, что еще здѣсь живетъ!

Луцилла.

Я его теперь уговаривала ѣхать.

Флори-

Флорикуртъ.

А! ежели такъ, мнѣ ничего не осталось сказать. Я бы удивился, ежелибы ваша прикрость не упредила мою. Вы почувствовали непристойность, терпѣть при себѣ такого человѣка, которой васъ любитъ въ то время, когда вы хотите явно отдать себя его сопернику. И безчеловѣчнобъ было оставить его свидѣтелемъ тому, какъ вы имъ мнѣ жертвуете. Когда онъ ѣдетъ?

Луцилла.

Не знаю. Я не имѣла силы предписать ему срокъ; а самому ему оной положить не во власти его состоитъ.

Флорикуртъ.

Вы шутите, Луцилла: ктожъ ему представитъ, чтобъ онъ избавилъ насъ своего присутствія? Мнѣ это не пристойно.

Луцилла.

Не безпокойтесь, Государь мой: я это здѣлаю.

Флорикуртъ.

Отъ чего мнѣ безпокоиться, Государыня моя? Дѣлаете ли вы мнѣ честь, думая, чтобъ я былъ ревнивъ? Такъ я вамъ объявляю, что конечно нѣтъ: только нѣжность моя васъ желаетъ. Ежелибы я примѣтилъ, что это хоть мало вамъ стоитъ.....

Луцилла.

Не сомнѣвайтесь въ томъ. Это мнѣ конечно будетъ стоять, лишить почтеннаго друга и того утѣшенія, которое одно ему осталось: но я умѣю себя принудить.

Флорикуртъ.

Принудить, сударыня! Это много. Я конечно не хочу принужденія. Ничѣмъ я не могу больше привесть себя въ ненависть; напро-

противъ того я самъ стану уговаривать почтеннаго этого друга, васъ не покидать.

Луцилла.

Продолжайте, Государь мой, свою шутку; она весьма здѣсь къ стати: я дѣйствительно заслужила, чтобъ вы мнѣ такъ говорили. Что вы, Государыня моя, сказалъ ей Флорикуртъ, увидя глаза ея наполненныя слезъ? Я въ отчаянїи отъ того, что вамъ досадилъ. Простите мнѣ мою глупость. Я не зналъ, сколько вы берете участїя въ моемъ соперникѣ, а въ вашемъ другѣ. Выговоря сїе, оставилъ ея въ великомъ огорченїи.

Эрастъ возвратясь, нашелъ ея въ семъ состоянїи. Что это значитъ, спросилъ ея? Лице ваше погружено въ слезахъ.

Луцилла.

Ты видишь, сударь, нещастливѣйшую изъ всѣхъ женщинъ. Я чувствую,

ствую, что моя слабость меня губитъ : но не могу отъ ней исцѣлиться. Тотъ, кому я всѣмъ жертвовала, сомнѣвается еще о моихъ качествахъ, уничтожаетъ меня, и имѣетъ подозрѣнíе.

Эрастъ.

Я это разумѣю, сударыня. Онъ ревнуетъ. Надобно его успокоить. Отъ сего зависитъ вашъ покой; и ничего нѣтъ въ свѣтѣ, чего бы я не здѣлалъ для такой дорогíй мнѣ пользы. Прости, желаю вамъ всякаго благополучíя! Тогда я буду меньше нещастливъ.

Слёзы Луциллины умножились отъ сихъ рѣчей. Я уговаривала тебя бѣжать отъ меня, сказала она ему дружески, и для тебя самого. Насилíе, которое я тогда себѣ дѣлала, нимало меня не порабощало. Но удалить тебя, для угожденíя неправосудному человѣку! Для отнятíя у него подозрѣнíя,

кото-

котораго бы мнѣ не должно было нимало опасаться, быть принужденной оправдать любовь, жертвуя дружбою! Это мнѣ стыдно и горестно: никогда ничто мнѣ столько не стоя́ло.

Эрастъ.

Надобно конечно, сударыня, это здѣлать, ежели вы лю́бите Флорикурта.

Луцилла.

Это правда, любезный Эрастъ: сожалѣй о мнѣ. Я его люблю, какъ себя тѣмъ ни попрекаю.

Эрастъ, ничего больше не ожидая, поѣхалъ; а Флорикуртъ приложилъ все свое стараніе, чтобъ Луциллу успокоить. Никто ему не былъ подобенъ въ скромности и въ учтивости, когда его воля была здѣлана. Эраста почти со всѣмъ забыли. Что не забудешь для того, что любишь, когда имѣ-

имѣешь щастiе, думать себя любимымъ? Одно только увеселенiе, совершенно невинное, осталось еще Луциллѣ въ ихъ уединенiи. Она сама вскормила чижа, которой удивително соотвѣтствовалъ ея ласкамъ; зналъ ея голосъ, леталъ передъ нею; не пѣлъ инако, какъ въ ея присутствiи, ѣлъ только на рукахъ ея, пилъ у ней изо-рту. Она его пускала на волю; онъ очень мало оною пользовался. Какъ скоро его кликнетъ, тотчасъ бросится къ ней: судитъ у ней на грудяхъ; казалось, съ чувствомъ трепетался крыльями, и съ тороплившостiю дрожалъ горломъ въ сладкомъ своемъ пѣнiи. Кому это можетъ притти въ голову, чтобъ гордому Флорикурту было досадно попеченiе Луциллино о сей птичкѣ, за ея чувствителъность и игранiе? Я посмотрю, сказалъ въ одинъ день самъ въ себѣ, превосходитъ ли сiи слабости любовь ея ко мнѣ? Этобъ было смѣшно, чтобъ она была боль-

ше привязана къ чижу, нежели къ любовнику: однако это дѣло возможное. Я хочу то испытать, и не пожже нынѣшняго вечера. Гдѣ ваша птичка, спросилъ ея, улыбнувшись?

Луцилла.

Она пользуется небомъ и вольностїю; летаетъ въ саду.

Флорикуртъ.

Какъ вы не боитесь, чтобъ она тамъ не привыкла, и не не возвратилась.

Луцилла.

Я ей все позволяю, ежели она будетъ щастливѣе.

Флорикуртъ.

Посмотримъ! Вѣрна ли она вамъ, позовите ея къ себѣ.

Луцил-

Луцилла здѣлала обыкновенной знакъ, и птичка взлетѣла къ ней на-руку. Она очень прїятна, сказалъ Флорикуртъ; но она вамъ очень дорога: я къ ней ревную. Желаю все или ничего отъ той, кого я люблю. Выговоривъ сїе, хотѣлъ ухватить любимую сїю птичку, чтобъ удавить ея. Она вскричала, а птичка улетѣла. Луцилла испужанная поблѣднѣла, и впала въ безпамятство. Тотчасъ къ ней збѣжались люди на помощь, и привели ея въ чувство. Какъ скоро она отворила глаза: то увидѣла передъ собою не того человѣка, котораго больше всѣхъ любила, а изо всѣхъ ненавистнѣйшаго для нея. Подите прочь, Государь мой, сказала ему: послѣдней вашъ поступокъ далъ мнѣ ясно узнать ужасной вашъ нравъ. Я столько въ немъ нахожу подлости, сколько люпости. Оставьте мой домъ, и не входите больше въ него никогда. Вы еще очень щасливы тѣмъ, что

я больше себя почитаю, нежели васъ пренебрегаю. О любезный и достойный Эрастъ! кому я тобою жертвовала? Флорикуртъ вышелъ, дрожа со стыда и съ бѣшенства. Птичка прилетѣла опять ласкать свою добрую госпожу; а объ Эрастѣ нѣтъ нужды объявлять, что онъ былъ возвращенъ.

КОНЕЦЪ.

